

МОЯ ЗОЯ

ОСИНОВЫЕ ГАИ

В одном из северных уголков Тамбовской области есть село Осиновые Гаи. Кругом поля, засеянные рожью, овсом, просом, гладкая равнина, и только при въезде в село — глубокие овраги. Быстро распространялись они, и каждый год избушкам, стоявшим на краю села, прозила опасность сползти на дно оврага. Зимами из оврагов наведывались в село голодные степные волки. И случалось, то один, то другой крестьянин недосчитывается ягненка или овцы, — только наутро в поле находят следы крови да клочок шерсти на кусту...

Осиновые Гаи — осиновые леса. Старики говорят, что в давние времена и действительно здесь были непроходимые леса. А сейчас голо вокруг, только ветлы на улицах да на огородах.

Зато с ранней весны — пестрые ковры на лугах, цветы в траве. Речушки Кашма и Барсучка, в которых летом малышам по колено, широко разливаются. Хорошие хозяева в это время насыпают плотины, чтобы удержать возле своих огородов полую воду для поливки да и для купанья: после полевых работ приятно смыть пыль и грязь, освежить усталое тело в прохладной воде.

До революции жило в Осиновых Гаях тысяч пять человек. Село большое, торговое; по пятницам на базар съезжались крестьяне со всех соседних деревень. Многие уходили из села на заработки в Москву, в Тамбов, в Пензу. Так и повелась слава, что живут в Осиновых Гаях не простые, а бывалые люди.

★

Как хороши были первые осенние дни в Осиновых Гаях в 1923 году! Сильно изменилось к той поре село. Вместо двух школ стало десять. Пионеры с веселыми красными галстуками маршировали под ветлами. Комсомольцы устраивали спектакли и вечера. Появилась кинопередвижка. Учителя, врачи и агрономы читали лекции. И полно было народу в Народном доме и избах-читальнях.

Быстро росло село. Светлее и радостнее становилась жизнь в нем. 13 сентября 1923 года шла конференция сельских учителей. Я была учительницей. Помню, на конференции мне стало плохо. Я поспешила к своим родителям, Чуриковым, а оттуда — домой, к Космодемьянским.

Летали паутинки в воздухе, около изб рубили капусту, на гумнах молотили; хлеба в том году уродилось много.

Дома я слегла; тотчас явилась бабка-повитуха, «Ярычиха», — акушерка пришла позже, когда младенец уже родился. Слушаю — ребенок не плачет. Беспokoюсь: жив ли? Все боялась, чтобы ребенок не родился уродом: слепым или глухим.

А бабка меня успокаивает:

— Ну, Любовь Тимофеевна, доченька-то родилась «в рубашке», потому и не плачет.

Многие годы спустя, придется к слову, я бывало напомним Зое шутя:

— Зочка, ты ведь в рубашке родилась!

Еще совсем недавно она серьезно ответила мне:

— Знаешь, мама, я прихожу к убеждению, что я счастливая.

Особенно в последние два года или год Зоя считала себя счастливой. Что бы она ни задумала, всего добивалась, за что бы ни взялась, за чем бы ни пошла — никогда не возвращалась с пустыми руками.

Тогда в Осиновых Гаях я ждала не дочери, а сына, хотела, чтобы первым ребенком был мальчик. Для мальчика и имя придумала заранее.

Муж сказал:

— Назовем дочку Зоей.

Зоя было любимым женским именем в роду Космодемьянских.

Так и называли девочку.

Родилась она маленькая, слабая, фунтов шести весом, с очень белым личиком, с ясно-лазоревыми глазами и черными кудряшками на голове.

Свекровь радовалась появлению внучки на свет: в семье Космодемьянских до того были одни только мальчишки. Все возились с моей маленькой дочкой, любили и баловали ее.

А я бывало заверну ее потеплее, прижму к груди и хожу с ней, напеваю песни или разговариваю. И мне казалось, что она понимает меня, и мне было хорошо с ней.

Зубки появились у нее рано, рано начала лепетать; до гсда она уже бегала.

Когда родился ее брат, Шурик, она у нас считалась большой и за столом сидела вместе со взрослыми, только на высоком стульчике. Было ей тогда немного меньше двух лет.

Шло время. Зоя росла. Мало-помалу я стала ее приучать к труду.

Сама крошка, а колыбельку покачает, если Шура закричит. Проснется — сунет ему в рот соску, чтобы не плакал, когда меня нет дома. «Зоя, принеси пеленочку», «Зоя, подай чашку, книжку со стола, поставь на место стул».

Так и росла моя маленькая помощница.

Скоро она уже многое делала по дому, сама не замечая этого. И с какой охотой выполняла всякую работу! Трех-четырёхлетняя Зоя возьмет Шуру за руку, в другой руке бутылочка — и отправляется к бабушке за молоком.

«Зоя, ты старшая, а Шура маленький» — ей и напоминать об этом не надо было: сама видит, что вокруг нее все работают; когда свое маленькое дело переделает, то спрашивает: «А еще что, мама?»

Помню, я доила корову. Шуру держала в коленях. Корову кусают мухи; она машет хвостом. Зоя стоит с чашечкой, дожидается молока. Корова хлестнула меня хвостом. И вдруг Зоя (быстрая она была) схватила хвост в ручонки, сама прутиком стала отгонять мух с коровьей спины и приговаривает: «Не бей маму хвостом».

Игрушки она не очень любила, а среди подруг рано стала коноводом. Затевала игру «в учительницы» (в эту игру играла лет до девяти, когда уже ходила в школу). А то сделает красные флажки, раздаст их малышам, установит их в ряд и начинает маршировать, да еще песни научит петь, чтобы с песней ходили, как на демонстрации.

ПАРТИЗАНСКИЕ ПЕСНИ

Когда Зое было лет шесть, мы поехали в Сибирь, в Канск, Енисейского округа. Зоя впервые ехала на лошади до станции, впервые видела поезд. Путешествие продолжалось семь дней. Когда приехали в Канск, я и муж сговаривались с заведующим отделом народного образования, какое бы выбрать село, чтобы учительствовать вместе в одной школе. Шура в эти дни был на Зоинем попечении.

А когда немного обжились, как понравились ей сибирские края! С жадным вниманием она присматривалась ко всему. Все ей казалось удивительным: и люди, одетые с ног до головы в меха; и то, что в Канске не было черного хлеба, а ели только белый; и то, что сибиряки жевали «серку». Конечно, Зоя тут же попробовала ее, делая при этом недовольную гримаску: «серка» оказалась вовсе невкусной.

Мы получили назначение в Шиткинский район. Я и муж вернулись домой, а Зои нет. Шура сказал, что они вместе играли, а потом она куда-то исчезла. Исходила я весь город, — он маленький, деревянный, одноэтажные домики с деревянными крышами, деревянные тротуары. Нигде нет Зои! Пошел муж. Я плачу, места себе не нахожу.

Смотрю, идет моя Зоя с папой за руку. Оказалось, она попала на базар, купила «серки» и пошла дальше. Ничего не боялась в незнакомом городе, среди незнакомых людей, — жадное любопытство уже тогда было у нее к жизни. Забрела к лесу, а дорогу домой, к гостинице, и забыла. Ее отвели в милицию. Когда муж пришел в милицию, она сидела там, как гость, пила чай и совершенно спокойно, серьезно рассказывала о своих родных краях.

В селе, куда мы попали, было в те времена еще много кулаков.

И очень удивляло Зою: зачем это у одного человека столько лошадей, коров, сотня овец и такой большой дом, — зачем все это ему?

Зоя внимательно прислушивалась к говору сибиряков, распевному, с акцентом на «о».

Часто она бегала к реке. Таких рек она не видала. Большая, широкая, — когда стоишь, то голова кружится от быстроты течения.

И приволье этих мест покорило ее.

Деревенская девочка, она всегда росла среди природы. А здесь по-настоящему полюбила ее.

Рыбачьи лодки возвращались тут с реки полным-полны рыбой.

В лес за ягодой ходили с ведрами.

Летом поспевают черемуха, в сырых местах — черника. Черемуху сибиряки сушат мешками, мелют на мельнице и, заваривая сладкую, вкусную коричневую муку, пьют с ней чай и пекут из нее пироги.

Ягоды и грибы на зиму заготавливали в каждой избе целыми кадушками. За малиной отправлялись в сопровождении вооруженных мужчин: медведь тоже любит малину, и частенько в малиннике можно встретиться с косолапым.

Как же Зою можно было оторвать от реки, от леса? И возможная встреча в лесу с медведем не отпугивала, а, пожалуй, даже привлекала ее. Возьмет маленькую корзиночку — и в лес. А лес рядом. Вековые кедры, лиственница, пихта, ели растут так густо, что белки перепрыгивают с дерева на дерево. В лесу — тишина. Деревья — великаны, и казалось, что и жить среди них должны великаны: медведи, лоси — сохатые, матерые волки. Хрустнет ветка под ногами, или сухое дерево свалится, или филин засмеется, заплачет, как ребенок, — жутко становится с непривычки. Зою ничто не смущало.

— Мы пойдем недалеко, вглубь не будем забираться..

Шуру или кого-нибудь из соседних малышей с собой прихватит.

Зато сколько рассказов было после каждого ее путешествия по лесу! Целый вечер сидит, глазенки горят, и все вспоминает, что видела в лесу.

И реку, быструю, широкую, она полюбила с первого дня. Все время, пока мы жили там, река в Зоинных привязанностях спорила с лесом. Выйдет на берег и долго стоит, смотрит на стремительное течение, водовороты на омутах. Глядишь — и кажется, сама течешь с рекой.

На реку Зоя вместе с Шурой ходила за водой. Возьмет чайник или маленькое ведерко, аккуратно зачерпнет, и вдвоем с Шурой несут ведро.

С октября и до мая река была закована льдом. Зима холодная, морозы доходили до 57 градусов, правда, без ветра, и мы легко переносили их. Детям я купила в кооперации валеночки-пимы, и каждый день ребята мои весело катались на салазках.

С теплыми днями население стало готовиться к разливу реки. Наводнения тут бывают грозные: полая вода смывает дома, скотину, затопляет на несколько дней целые деревни, и люди уходят в горы.

Зоя слышала разговоры взрослых об этом. Вот еще новое, невиданное событие!

— Мама, а как мы уйдем из дому?

— Как все: в лодку сядем.

Река была рядом; дом наш стоял на высоком берегу.

— Вода придет, Шура, ты боишься? — спрашивала Зоя.

— А ты?

— Я — нет.

— Ну, и я нет.

Но наводнения не случилось. И Зоя с некоторым разочарованием узнала о том, что не придется бежать в горы.

Зоя любила песни. В Сибири со времен гражданской войны пели много партизанских песен. Они особенно нравились ей.

Часто Зоя ходила в кино, и привлекало ее не столько самое кино, сколько песни, которые перед началом сеанса пела публика.

Пели действительно хорошо, задушевно, звучно и печально. Сейчас я не могу вспомнить слов ее любимой песни (дома она пела ее с Шурой), но мотив ее сохранился у меня в памяти так же, как и последние слова:

...Молодой партизан умирал...

ШКОЛА

С наступлением весны я стала подумывать о выезде из Сибири. Сестры писали мне из Москвы, звали к себе. Да и соскучилась по родным местам.

Кончился учебный год. Мы с мужем в июне получили отпуск и расстались с сибирскими краями. Детей завезли к моим родителям в Осиновые Гаи, а сами уехали в Москву.

Я устроилась учительницей, а муж стал работать в Тимирязевской академии. Жили пока у моей сестры.

Однажды я получила письмо от отца о том, что дети больны скарлатиной. Я поехала в Осиновые Гаи. Зоя уже начала выздоравливать. Худенькая, она все болезни переносила легко. Шура же болел очень трудно. Когда ему стало лучше, я собралась уезжать. Зоя ни за что не хотела отпустить меня.

— Мама, опять без нас?!

Не легко было и мне оставлять детей, но пришлось: работа не ждала.

Наконец весной муж получил комнату, куда я и привезла детей.

Прошел год со времени отъезда из Сибири. Я перевелась в Октябрьский район, теперь Тимирязевский. — тут и устроила в школу детей. Зое было восемь лет, а Шуре — шесть.

Приехала Зоя, выросшая и посерьезневшая. Там, в селе, лежа больной, она почти не встречалась со сверстниками. «Обществом» ее были дедушка и бабушка, особенно бабушка — Мавра Михайловна. Живая и

переимчивая, девочка усвоила многие обороты речи взрослых и даже их манеру рассуждать.

Однажды Зоя увидела: малыши-ребята курили. Зоя сказала им: «Маленьким курить нельзя: долго ли до беды, пожар наделаете» — совершенно тем же тоном, что и бабушка Мавра Михайловна.

В другой раз прочла нотацию соседкиной девочке: «Параня, зачем ты говоришь: «ня знаю, ничаво», — ты прислушивайся, как другие говорят: «не знаю, ничего».

Зою приняли в пионеры.

Она была в том возрасте, когда быстро растут и развиваются дети, когда появляются и укрепляются у них те свойства характера, с которыми они войдут в будущем в свою взрослую жизнь.

«Пионер — всем ребятам пример». С серьезностью и страстностью, какую она вносила во все, Зоя взялась за свои пионерские обязанности.

С самого начала она смотрела на свое звание пионера (а потом — на звание комсомолки), как на долг, на обязанность. Прежде всего — быть правдивой. Лгунов, хвастунов не переносила. Подойдет в классе к согвавшему мальчику или девочке, смело посмотрит в глаза и заставит сознаться:

— Скажи: честное пионерское! Нет, ты руку подними. Что ж без галстука? Эх ты, пионер!

Галстуку пионерскому Зоя придавала большое значение.

Как раньше была коноводом в детских играх, так и тут, в классе, стала ребячьим вожаком. Улаживала ссоры, унимала ребят. Заберется на стул, одернет крикунов и терпеливо, настойчиво, несколько раз повторит то, что предлагает. Упорная она была: ни за что не отступит, пока не добьется своего, того, что считала правильным. «Я стою за справедливость» — так и говорила. И знаю, так и думала. Справедливость была для нее самым высоким, самым важным. На поддразнивания ребят: «я справедливая» — она никакого внимания не обращала. «Подлиз» терпеть не могла. Сама не «подлизывалась» ни к кому и ни к чему.

Училась Зоя хорошо с начальных классов. Уроки готовила всегда очень добросовестно. Чистенькие и аккуратные тетради, книги до конца учебного года без единого пятнышка.

Я и муж мой — оба работали. Зое приходилось иногда ходить в магазины за продуктами и готовить обед. Все это она успевала — и не кое-как: кое-как она не делала ничего и не выносила, когда так делали другие.

Когда она была в третьем классе, мы получили лучшую комнату — по Александровскому проезду — и детей перевели в 201-ю школу. При переходе в четвертый класс Зоя получила похвальную грамоту, и потом уже из класса в класс Зоя переходила, как отличница.

Она вступила в комсомол в октябре 1938 года. Этот день был для нее праздником. С какой серьезностью и любовью она готовилась к нему, читала политическую литературу, изучила устав! Гордая, счастливая, она показала мне свой комсомольский билет. Показала и спрятала. Берегла его, как зеницу ока. Лишний раз мне и Шуре не давала в руки — сле-

Комсомольский билет Зои Космодемьянской.

ца. К детям он относился строго, но Зоя считала, что отец справедлив: это было для нее самое главное.

Стали мы жить без отца.

Лучшим помощником и товарищем мне во всем была Зоя. Мы с ней и до этого хорошо жили, но со смертью мужа Зоя, как увидит у меня слезы, подойдет, приласкает:

— Не плачь, мама, проживем, нам много не надо, а там я вырасту, буду тебя кормить, не горюй!

Эти слова она повторяла до последних дней.

Я уходила с утра, возвращалась поздно вечером, а Зоя успевала переделать все дела: обед приготовит, печь вытопит, полы вымоет, купит что надо. Шура же носил только воду и ходил за керосином. «Пол подметать, в магазины бегать — это может всякая девчонка!»

дила, чтобы пятнышка на нем не было. И так же берегла свое звание комсомолки. Я знала, что она взяла на себя в школе большую общественную работу. Но школьных общественных дел показалось ей мало. Взятась обучать грамоте одну женщину, домашнюю хозяйку, у которой был маленький ребенок, так что ходить в школу для взрослых она не могла.

И других ребят в школе, комсомольцев-отличников, Зоя вызвала на то же — обучать малограмотных; подгоняла и журила тех, кто нерадиво относился к своим обязанностям.

Сама она за дело «учительницы» принялась страстно. Составила план уроков. У меня брала книги по методике обучения. И к концу учебного года ее ученица выучилась читать и писать.

В 1933 году совершенно неожиданно умер мой муж. Зоя любила от-

Подобно многим мальчикам, он считал, что есть дела «только для девчонок» и есть «мужские дела». А вот моя Зоя жизнью своей доказала, что нет на свете такого дела, перед которым отступила бы смелая девушка с горячим сердцем...

Шура — способный. Особенно легко ему давалась математика, тут он пошел в отца. Увлекался техникой и живописью. Но, полагаясь на свои способности, он распускался, уроки готовил небрежно, — и, глядишь, принесет домой в тетради «посредственно». Каждое «посредственно» брата Зоя переживала больше, чем он сам.

— Это работа твоя, понимаешь? Ты не имеешь права недобросовестно относиться к работе.

Шура фыркал:

— Подумаешь! Что же, по-твоему, я хуже тебя и не способен понять всю эту премудрость?

— Если способен — докажи! Перелистал книжку и бросил? Нет, ты начал — так до конца дойди, тогда скажешь: способен!

Однажды мой брат, коммунист, Сергей Тимофеевич привез корректуры и чертежи.

— Ну, Шура, вот тебе «мужская» работа. Так, что ли? Семье поможешь.

Вижу, мой Шура не отвечает ни да, ни нет. Предложение дяди показалось ему, надо полагать, вторжением в его право распоряжаться собой, которое он ревниво оберегал.

Зоя вечером говорит мне как ни в чем не бывало:

— Что ж, мама, пора за дело. За ночь с половиной работы справимся.

И берется за чертежи.

Шура искоса смотрел на нее, потом хмуро сказал:

— Ну, где тебе! Садись лучше за свои книги. И без тебя управлюсь.

Так начал работать Шура, но Зоя все время помогала ему. Это были первые заработки моих детей.

Ю Н О С Т Ь

Теперь, когда Зои нет среди нас, я, вспоминая, что она делала в жизни, как говорила, вспоминая все большое и малое, связанное с ней, ясней вижу характер моей дочери, чем, может быть, видела тогда.

Была цельность в ее короткой жизни: будто отлита она из одного куска.

Когда она еще была ребенком, я повторяла ей:

— Не отказывайся ни от каких самых маленьких дел: из малого строится великое. Так Ленин говорил.

Она навсегда запомнила это.

И сталинские слова крепко запали ей в душу: «Труд в нашей стране — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства».

На этом она воспитывалась.

В комсомоле, в школе, дома — везде она относилась ко вся-

кому труду, выпадавшему на ее долю, так, как учили этому Ленин и Сталин.

Была в ней большая строгость к другим и прежде всего к себе самой. Не терпела и просто не понимала, как можно, взявшись за дело, не закончить его, а делая — не выполнить на «отлично». «Нечего делать для близира» — это мы слышали от нее множество раз.

И еще одно, чему мы дивились: никогда Зоя не ленилась. Бывало, если надо, встанет в четыре утра, а то и вовсе не ляжет, а дело сделает.

Однажды, вернувшись из школы, Зоя рассказала: «Сегодня одна девочка получила плохую оценку и — можешь себе представить? — села за парту и смеялась. Мне было за нее стыдно, а она ничего — улыбается всем, будто так и надо».

У себя в записной книжке Зоя написала: «Уважай себя, не переоценивай, не запирайся в свою скорлупу, не будь однобокой, не кричи, что тебя не уважают, не ценят, а больше работай над собой — и будет больше уверенности».

И еще: «Упорство и мужество рождаются в преодолении препятствий».

Была уверена в том, что не справится, не преодолеет, не добьется цели только тот, кто отступит, у кого неостанет мужества и упорства.

А у нее настойчивость, упорство были во всем. Никогда она не отчаивалась, ничего не оставляла недоделанным.

Ей трудно давалась математика. Иногда Шура помогал ей. А чаще она не просила помощи: «Сама додумаюсь». И не закрывает книжки всю ночь, а назавтра приносит «отлично».

Шли годы. Зоя пришла к выводу, что инженера из нее не получится. Она решила стать преподавательницей литературы. Думаю, что не останавливалась она на этом в своих мечтах, что мечтала она писать книги: ее горячему сердцу было, что поведать другим, — но об этом ни с кем не говорила. Была в ней настоящая внутренняя гордость: не любила быть нараспашку.

С каким увлечением читала и перечитывала она великие творения русских писателей! Пушкин, Толстой, Горький, Некрасов, Чернышевский, Николай Островский. В их произведениях, в их жизни черпала она уроки мужества и упорства.

Она страстно любила родину, свою страну, свой народ. Я заметила: все больше интересовалась она историей, славным прошлым нашего народа. Произведения русских писателей заставили ее полюбить памятники народного творчества, песни, былины. В восьмом классе она написала работу «Илья Муромец — богатырь земли русской». Эта работа в школе считается лучшей до сих пор.

Зоя прочла много книг по истории. Читала об Александре Невском, о Донском, о Суворове, о Кутузове. Она знала и о льде Чудского озера, на котором захлебнулись в собственной крови псы-рыцари, и о снегах, в которых заморозил врагов Иван Сусанин, и об альпийских обледенелых горах, которые штурмовал Суворов, и о Бородинском сражении, в ко-

тором дрогнули полки Наполеона. О Кутузове, выбранном против воли царя главнокомандующим, она рассказывала на школьных собраниях. Читая «Войну и мир», Зоя делала выписки о Бородинском бое, о партизанах. Подвиги героев — народных мстителей — восхищали Зою.

И с воодушевлением она декламировала «Бородино», «Смерть Ивана Сусанина».

Зоя казалась замкнутой девушкой. О себе, о своих чувствах она не любила распространяться.

А по существу Зоя была живой, общительной девушкой и, знаю, часто страдала от того, что не было у нее большой, настоящей, цельной дружбы. Любила она веселье, смех, музыку и театр. «Мама, ты не отказывайся никогда от билетов в театр. Если ты не пойдешь, я пойду». И я старалась получать билеты на работе и передавала их Зое, зная, что для нее это будет большим удовольствием. Зато, придя из театра, Зоя так горячо, так красноречиво передавала нам виденное и слышанное на сцене, что мы с Шурой все равно что сами побывали в театре.

Рассказывала она вообще прекрасно. Тогда сквозь ее постоянную серьезность вдруг прорывался неудержимый юмор (черта, унаследованная от отца).

Был у нее настоящий мимический дар. Иногда, разговаривая обычным своим тоном, Зоя незаметно меняла голос, тон, манеру, — сама не улыбнется, а мы хохочем до слез, узнавая, как живого, того, кого изображала Зоя.

Зоя перенесла тяжелую болезнь — менингит. Лежала в Боткинской больнице. Долгие дни и ночи мы думали только об одном: выживет ли Зоя? Профессор Маргулис в буквальном смысле слова вырвал ее из когтей смерти.

Мне рассказывала потом врач Бельская, как тяжело протекала болезнь моей дочери. Ей делали уколы в спинной мозг — операция сложная и мучительная. Но молча, без крика, без стона перенесла ее Зоя. В больнице она стала общей любимицей. Доктор Бельская в шутку говорила мне, когда я приходила и приносила Зое фрукты: виноград, яблоки, мандарины (больше ничего в первые две недели она не ела):

— Знаете что, Любовь Тимофеевна, отдайте вы Зою мне в дочки! Девочка моя лежала пластом, головку не поднять, головка болит... Но как только стало ей лучше, попросила:

— Мама, привези мне книжки.

Я привезла, какие она попросила. Дежурные сестры тоже давали ей книги, и сам профессор Маргулис заносил ей газеты.

Когда выписывалась, оказались у нее друзья, с которыми ей не хотелось расставаться. Фамилий я сейчас не вспомню, но знаю: друзья эти были взрослые люди: одна — молодая женщина, другая — детская писательница или литературный критик, уже пожилая.

После болезни поправлялась Зоя в санатории, в Сокольниках. Я хлопотала путевку через отдел народного образования и через обком союза. В санатории Зоя пробыла сорок дней. Там она окрепла.

Выйдя из санатория, Зоя начала догонять товарищей по учебе. Врачи запрещали ей это, советовали остаться на второй год, но она и

слышать не хотела: «Недоставало, чтобы Шура—моложе меня, а школу кончил раньше!» И засела за книги, сдала зачеты (от экзаменов ее освободили) и перешла в десятый класс.

— Я, мама, еще не все прорехи залатала; тут, знаешь, сколько бы еще заниматься надо! Да ничего, летом подгоню, с осени в десятом стану опять отличницей!

ЗОЯ УХОДИТ В ПАРТИЗАНЫ

Утром 22 июня я ехала в трамвае и не слышала выступления по радио Вячеслава Михайловича Молотова. Когда я пришла домой, Зоя и Шура встретили меня с возбужденными лицами. Они заговорили, перебивая друг друга:

— Мама, война... Немцы напали на наш Союз.

— Теперь вся жизнь пойдет по-другому, — сказала Зоя с каким-то суровым, незнакомым мне огоньком в глазах.

Я не обратила внимания на эти слова, не услышала в них ничего особенного.

А Шура отмахнулся:

— Что взять с вас, девчонок, уж вы молчите!..

Война! Это грозное слово не сходило с уст в нашей семье. Мужчины, соседи по дому, уходили в армию. Шура вскоре уехал на трудовой фронт под Смоленск.

А Зоя вслух пожалела, что не берут девочек.

— Ушла бы я, мама, с ними.

И добавила:

— Стрелять я умею хорошо.

Она ходила в тир, настойчиво посещала военные занятия, но только теперь как-то сразу дошло до моего сознания, что дочь моя может стать воином, — раньше мне все казалось это вроде игры.

Зоя говорила:

— С каким бы наслаждением я уничтожала проклятых фашистов!

Во дворе нашего дома рыли щель. Люди несли доски из сараев для настила в убежище. Один из жильцов дома, который очень горячо доказывал, что ничего нельзя жалеть для общего дела, и, видимо, в ораторском пылу позабыл открыть свой сарай, накинулся на игравших во дворе детей (отец их был на фронте, а мать на работе) и с криком потребовал, чтобы сейчас, сию минуту ребята тащили доски. Зоя пошла к нему:

— Давайте так сделаем: сейчас вы откройте свой сарай, а пока мы будем работать, придет мать этих детей. На малышей легко кричать!

Зоя была прямым человеком и, если считала, что кто-нибудь неправ, всегда говорила ему это в лицо.

Начались налеты на Москву. Зоя переносила их очень спокойно, не охала, не ахала, с насмешкой смотрела на тех мужчин, которые не решались идти в пожарную команду и предпочитали отсиживаться в убе-

Телеграфистка энской части О. П. Максимович. Много раз пробиралась она во вражеский тыл и всегда доставляла в свою часть важные сведения. Правительство наградило отважную комсомолку орденом Красного Знамени.

*Сокрушительные удары наносит фашистам звено старшего лейтенанта
Екатерины Ивановны Зеленко. За мужество и отвагу Е. Зеленко награждена
орденом Красного Знамени.*

жищах. Сама она попросила считать ее пожарником. Ни разу она не спустилась в щель. Обходила дом, стояла на посту на чердаке.

В одну из ночей тревоги не было, и мы решили лечь спать. В час ночи стучит дежурный по дому: «Вставайте, близко пожар». — «Как пожар, — тревоги же не было?» — «Горит ларек продовольственный».

Оказалось, заведующий и продавец ларька, проворовавшись, с вечера подстроили так, чтобы ночью ларек запылал: надеялись, что «выручит» тревога, — можно будет свалить на «зажигалки». Но к Москве немецких самолетов не допустили, и воры просчитались.

И снова с сумрачным огоньком в глазах Зоя сказала:

— Негодяи! Таких расстреливать мало.

Словно выросла она в эти первые месяцы войны: суровость появилась в ней, губы плотно сжаты, и этот часто вспыхивающий огонек в глазах.

Бывало слушает по радио сообщения Информбюро (в те месяцы невеселые это были сообщения), задумчивее становится — и вдруг повернется к нам и, пристально глядя (это ее характерная черта — когда говорит, всегда смотрит в упор), скажет:

— Смоленск мы отдали, Киев, мама, отдали. Какую землю топчут, гады! А не станет Советский Союз колонией фашистов! И в Москве им не бывать! И русских им никогда рабами не сделать! Русские — свободный народ. Будем мы наступать и прогоним немецких гадов. Правое наше дело. Тот, кто прав, победит!

И снова этот огонек в глазах.

Будто все время она что-то вынашивала в себе.

Пришел сентябрь. В школе сказали, что учебы не будет. Шура вернулся с трудового фронта. И Зоя вместе с ним поступила на завод «Борец» учеником-токарем. Но проработала недолго: тоже уехала на трудовой фронт, в совхоз, убирать картофель.

Стояли уже заморозки, выпадал снег, и я беспокоилась за ее здоровье — была она не очень тепло обута и одета. А Зоя уезжала с радостью. С первых дней войны стремилась к этому. Пусть не военный это, а только трудовой, но все же — фронт. Взяла с собой и книжки и чистые тетради; без этого она — никуда. Скоро я стала получать от нее письма. «Мы помогаем убирать урожай. Норма выработки — 100 килограммов. 2 октября я собрала 80. Это мало. Обязательно буду собирать 100!»

Это было не легко. Земля мерзлая, руки зябнут, сапоги порвались.

Но обо всем этом она писала мало. Зато написала с радостью о том, что теперь она не отстает. «Норму теперь вырабатываю!»

Зоя заработала кое-что, привезла домой картофеля.

Вернулась похудевшая, посвежевшая, только сильно натерла ноги. Но они ее мало беспокоили. Презрительно рассказывала о «белоручках». Те картофель старались собирать только сверху. Чуть копнешь после них глубже — лучший картофель в земле. «Я им прямо в лицо говорила, как называется такая работа, — некоторым это не понравилось».

В деревне завязались у нее с колхозниками самые лучшие, приятельские отношения. «Колхозницы, мама, меня очень любили. Любили

меня слушать и сами кой-чему учили». Они научили Зою, как печь хлеб, как заводить закваску, чтобы хлеб получился пышный, вкусный.

И я стала печь пироги по Зоиному рецепту.

В эти недолгие последние недели ее жизни с нами Зоя все повторяла: «Я счастливая: что бы я ни задумала, все получается, как хочу».

— А что ты задумала?

Усмехнется и промолчит.

Было нелегкое время. Враг стоял у ворот Москвы.

Однажды Зоя сказала:

— Я не могу спокойно проходить мимо плаката «Чем ты помог фронту?»

— Зоя, ведь ты же девочка еще, ты была на трудфронте, твоя работа — тоже для страны, для армии!

— Мало, мама: я — комсомолка.

Я поняла, что она хочет во что бы то ни стало попасть на фронт. Скоро она мне сообщила, что поступает на курсы медсестер. В два дня достала все справки, назавтра ей идти на курсы. Вдруг, вернувшись вечером домой, говорит:

— Мама, скажу тебе под большим секретом: я уйду на фронт, в тыл врага. Работа очень серьезная, ответственная, и я горжусь, что мне доверили ее. Тебя прошу никому об этом не говорить, даже Шуре. Скажи, что я уехала к бабушке в деревню. Смотри же, мама, никому ни звука о том, что у тебя дочь в партизанах!

Она не дала мне ответить и продолжала:

— Через два дня — отъезд. Ты мне, мама, достань сумку красноармейскую и те мешки, которые мы с тобой шили, а остальное я сама достану. Много собирать не придется: пару белья, полотенце, мыло, щетку, карандаш и бумагу. Вот и все мои сборы.

Немножко приподнятым тоном сказала все это, но так, как будто давно к этому была готова и никаких отступлений быть не может.

— Зоя, ты же не мальчик, ты девочка, на фронте тяжело.

— Я это все знаю, ты меня не отговаривай.

Следующие два дня она возвращалась только поздно вечером. Куда уходила — не говорила, да и как спрашивать? Как-то изменилась за эти дни, пролетевшие стрелой, будто выросла старше своих настоящих лет. Помню, она мне сказала:

— Остаются теперь с Шурой вдвоем. Ты учительница, мама. Ты для работы своей Макаренко перечитай: «Педагогическую поэму».

И Николая Ивановича из «Путевки в жизнь» вспомнила, и своего преподавателя и заведующего учебной частью Ивана Алексеевича Язева — его она высоко ставила: «Вот это настоящий большевик, хотя и непартийный».

— Жаль, что дядя Сережа эвакуировался. Он мог бы поддержать тебя, мама, в трудные минуты, хотя бы советом.

Дядю Сережу, моего брата, она любила и ценила. У него она находила свои черты характера: честность, правдивость, любовь к родине, преданность партии.

Ни днем, ни ночью не давали покоя врагу партизаны Подмосковья. Партизанский отряд только что вернулся из боевой операции. На коротком привале бойцы разбирают проведенную операцию.

— Да ты не отчаивайся, мама, в случае чего — тебя не бросят. Не забывай, что мы живем в Советской стране.

Это был последний наш вечер дома.

Еще раз тщательно Зоя проверила вещи, которые должна была взять с собой, аккуратно сложила в мешочек. Хотела взять дневник, который вела на трудовом фронте и последние дни дома. Я ей не советовала. Внезапно она сказала:

— Ты права, мама, лучшее место ему — в печке. — И, не дав мне остановить ее, бросила тетрадь в топившуюся печь.

Так я и не узнала ее сокровенных мыслей, что она записывала ночами, когда мы с Шурой спали.

Я не могла заснуть. «Быть может, никогда больше не увижу Зою. Вот она последний раз спит дома на своей постели. Спит ли она?» Я осторожно встала, подошла к ней. Она открыла глаза и улыбнулась.

— Ты что, мамуся, не спишь?

— Да я встала посмотреть время, чтобы не проспать. Ты спи, спи, Зюечка.

Я легла, а сон не шел. Хотела опять встать, подойти к ней, спросить: может быть, Зоя раздумала, может быть, лучше эвакуироваться нам всем, как нам предлагали? Но поглядела при утреннем рассвете на спящую Зою, на ее спокойное лицо, на плотно сжатые, упрямые губы и подумала: «Нет, не передумает».

Шура рано ушел на завод. Я для Зои сберегла немного сыру — ее любимое лакомство. Попили чаю, и Зоя стала одеваться. Я ей дала свою теплую шерстяную фуфайку. «А ты, мама, как же без фуфайки зимой?» С трудом уговорила ее надеть и денег взять немного — она долго отказывалась. Вышли вместе. Было пасмурно, и на сердце у меня тоскливо.

— Зоя, давай я мешочек твой понесу.

Она пристально поглядела на меня.

— Что же ты, мама, такая невеселая идешь? Посмотри-ка на меня! Э, да у тебя слезы... Со слезами провожать меня не надо. Посмотри-ка еще раз.

И мне стыдно стало. Зоя идет такая веселая, смелая, твердая, и я улыбнулась ей.

— Вот так-то лучше, мамуся! Ты не плачь! — И шутит: — Гордись, что такую дочь родила... А я... приду героем или умру героем.

Обняла меня, горячо поцеловала, вспрыгнула в трамвай и уехала... В комнате у нас еще чувствовалось тепло от недавнего присутствия Зои. Книжки, уложенные Зоинными руками, так и продолжали лежать, дожидаясь возвращения хозяйки.

Вскоре я получила первое письмо — записку в две строки: «Дорогая мама! Я жива и здорова, чувствую себя хорошо. Как ты там? Твоя Зоя».

Верно, некогда было писать — и все же прислала весточку, чтобы мы не беспокоились.

Шура прочел это письмо и с удивлением узнал, что его сестра, «девчонка», на фронте. Больше он не знал ничего, и я ему, как того хотела Зоя, не говорила.

Потом пришло второе письмо от моей дочери и спустя недели две — третье. В нем Зоя писала, что наконец-то она получила задание, «по выполнению которого приеду домой погостить».

Радостно стало нам от этого письма. Со дня на день ждали ее домой.

Но она не приехала. Больше я не увидела своей дочери живой. Потом увидела мертвой, когда вся страна услышала о ней как о «партизанке Тане». Но об этом, о жизни ее и о делах в партизанском отряде, я рассказывать не буду. Об этом лучше расскажут ее товарищи — те, с кем она была.

Я знаю, что она, комсомолка, выполнила то, что записала в своей памятной книжке, которую я храню, как самое дорогое для себя: «Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь».

И все звучит для меня ее живой голос, ее последние слова, которые она говорила, прощаясь:

— Что ты плачешь, мама? Не ты ли мне говорила, что я должна быть смелой и честной? Мама, я горжусь тем, что буду бороться с фашистами, и ты гордись тем, что я уйду на фронт. Со слезами меня провожать не надо. Приду героем или умру героем.

Она умерла героем.
